

© Schaub-Walzer / PID

ЧАСТЬ III. НАЧАЛО В №№ 5–6 / 2019

Основные концепты АВСТРИЙСКОГО МЕНТАЛЬНОГО МИРА

Geolina163 / WikiMedia

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ. КОНЦЕПТ «A SCHÖNE LEICH».

Основные компоненты отношения к жизни находят свое непосредственное отражение и в отношении к смерти (*просто парадокс: жизненный комфорт по отношению к смерти*). Здесь также присутствует тень всемогущего концептуального ядра под названием «*жизненный комфорт*»¹, который является неотъемлемой частью почти любого австрийского концепта.

КЛАДБИЩЕНСКИЙ «УЮТ»

Чтобы в этом удостовериться, достаточно отправиться на кладбище.

Здесь вы не найдете ржавых железных оград, узких дорожек, заброшенных могил. Вечерами вас не будут страшить кладбищенский мрак, а днем – пугать тени мертвецов. Лексема «*кладбище*» на австрийских погостах входит в противоречие с отечественной семантикой этого слова. Само кладбище больше напоминает огромный благоустроенный парк. Ухоженные могилы. Просторные тенистые аллеи. Палисадники. Уютные беседки. Удобные скамейки с высокими спинками. Выложенные камнями пруды. Ландшафтный дизайн аристократической резиденции. Тишина. И полное ощущение заповедника². Просто пленэр и место проведения семейного отдыха.

Семейного отдыха и нового понимания эсхатологической культуры.

Не ради распитой чекушки, зауспокойного надрыва и горькой пролитой слезы спешат сюда австрийцы. Они приходят на кладбище для того, чтобы скорее насладиться покоем, встретиться с друзьями, погулять по липовым и каштановым аллеям, поискать среди надгробий и фамильных склепов знакомые имена и поразмышлять о Путих Господних, которые однажды их тоже приведут сюда.

Австрийцы, в общем-то умеющие считать деньги, забывают о них, когда речь идет о выделении места под кладбище. Дотации. Субсидии. Государственный финансовый протекторат. Частные инвесторы. Неслучайно некоторые кладбища по своим размерам вполне сопоставимы с целыми городскими районами. Особенно в этом смысле примечательно Центральное кладбище в Вене. Оно столь велико, что там даже пришлось организовать автобусное маршрутное движение. Главное, чтобы во время прогулок по царству мертвых не покидало ощущение все того же **жизненного комфорта**.

РОДСТВЕННЫЕ, ТОВАРИЩЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СО СМЕРТЬЮ. ИРОНИЯ И САМОИРОНИЯ В ОТНОШЕНИИ К СМЕРТИ.

Смерть для австрийца находится в другом когнитивном ряду, чем для любого среднестатистического европейца. К ней относятся с **панибратской привязанностью**, почти **родственной откровенностью**. Она не вызывает ни чувства стыда, ни страха, ни ненависти. Ее можно пощупать за надгробный веночек, еще не надкусанный зайцем (см. примечание № 2). Она воспринимается скорее как собутыльник, который забирает тебя с собой на очередное застолье, чем мрачный диктатор подземного царства Аида. Над ней можно запросто пошутить.³ Для этого годятся все формы: от некролога до эпитафии. Надгробные высказывания не чужаются ни иронии, ни самоиронии. Совершенно естественным на австрийском погосте будет смотреться

ernschie / Pixabay

ernschie / Pixabay

подобное выгравированное откровение: *«Здесь покоится любимый мой врач, господин Гримм, а рядом с ним – все те, кого он когда-то лечил»* (пер. автора)⁴.

Иногда в качестве эпитафии выступают так называемые анекдоты-загадки, ответом на которые становятся надписи на надгробных камнях. *«Что написано на могильном камне математика? Он мог рассчитать все. Но со смертью он не рассчитал»* (пер. автора)⁵.

Смерть у австрийца вызывает скорее **компанейские чувства**, чем **эсхатологические**. Скорее иронию, чем фобию. Олицетворением подобного отношения является тот самый *«милый»* венский Августин, известный нам по веселой песенке *„OH, DU LIEBER AUGUSTIN, AUGUSTIN, AUGUSTIN“*.

По существующей легенде, венский волынщик Августин, известный любитель заложить за воротник и посмеяться над недалекостью и недальновидностью близорукой смерти, как-то выходя из питейного заведения, был настолько пьян, что рухнул в яму, полную трупов. В это время свирепствовала Чума. Она рыскала по земле в поисках последних

уцелевших. Но ей и в голову не могло прийти, что кто-то мог скрыться от нее среди покойников. Так Августин и уцелел. Страсть к винопитию оказала в данном случае добрую услугу. Пронувшись, он поблагодарил *«соседей»* за ночлег, взял волынку и с детской беззаботностью отправился в направлении очередного трактира⁶.

Именно так: с беззаботностью, с необычайной легкостью, с детской лукавинкой и добродушием. В этом, вероятно, и кроется всё австрийское, касающееся такой почти сакральной темы, как смерть. Она (у австрийцев, правда, это «он», так как DER TOD – в немецком языке мужского рода) – больше не беззубая старуха со ржавой косой и даже не немецкий рыцарь в доспехах, с забралом и огромным двуручным мечом. Нет, это – **брат смерть, братан, братишка**. Даже великая чума конца XVII века в Австрии именуется не иначе как **черный брат смерть**⁷.

Австрийцы часто думают о смерти. Иногда они думают о ней больше, чем нужно. При этом додумываются до таких вещей, которые вряд ли прищ-

¹ Концепт «Gemütlichkeit» – см. НВЖ №5 / 2019.

² Особенно это ощутимо на Венском центральном кладбище. Его директору приходится даже нанимать быстрого егеря, который мог бы охотиться за зайцами, обгрызающими венки.

³ Кстати, большое количество шуток у австрийцев на тему смерти связано все с тем же венским кладбищем. Их ничуть не меньше, чем у нас анекдотов про чукчу. К примеру: «Чем отличается город Цюрих от Венского центрального кладбища? Кладбище вдвое меньше по размеру, но вдвое смешнее». „Was ist der Unterschied zwischen Zürich und dem Wiener

Zentralfriedhof? Der Zentralfriedhof ist halb so groß, aber doppelt so lustig».

⁴ «Hier ruht mein lieber Arzt, Herr Grimm, und alle, die er heilte, neben ihm».

⁵ «Was steht auf dem Grabstein eines Mathematikers? Damit hat er nicht gerechnet».

⁶ Но и вино не всегда выручает, когда играешь в прятки со смертью. По иронии судьбы Августин в возрасте 35 лет умер от отравления алкоголем, о чем свидетельствует запись в церковной книге. <https://ru.m.wikipedia.org>

⁷ Der schwarze Bruder Tod

ли бы в голову сотрудникам обычного похоронного бюро. Так, во избежание форс-мажорных ситуаций во время погребений в XVIII столетии ими был даже придуман **гроб с колокольчиком (со звонком)**. Человек, похороненный по недоразумению и все еще настойчиво продолжавший жить, имел возможность сообщить о совершенной ошибке. Для этого нужно было только дернуть за веревочку⁸. Ну и, наверное, постараться больше не заспать⁹.

Кроме ироничности, беззаботности и родственности, концепт смерти у австрийцев имеет еще одну очень важную составляющую. А именно уважительное, **партнерское отношение**. Оно чем-то напоминает отношение к государственной власти и имеет под собой длинную историю, которая началась еще задолго до Габсбургов.

Монархия как правящий институт в Австрии всегда почиталась. Только подобное почтение не имело ничего общего с верноподданническим энтузиазмом Германской империи и культом царского скипетра в России. Государственная система всегда считалась чем-то самим собой разумеющимся, как снег зимой, чем-то неизбежным, как сырые подвалы после выхода Дуная из берегов, чем-то незыблемым, как колонна в честь избавления от чумы в каждом городе «*Какании*»¹⁰. Поэтому к измерению силы или слабости власти никто не подходил с реформаторской линейкой и революционными ножницами. С властью всегда пытались ужиться. Договариваться. Отношения с государством не вызывали конфликта. А соответственно, и страха. В таком амплуа государство становилось чем-то вроде «*хаусмайстера*» (что-то типа нашего завхоза, коменданта, дворника и управдома одновременно). Его работа была призвана обеспечить сохранность дома и его жителей. Задача же постояльцев заключалась в уважении к его должности и состояла в том, чтобы не создавать «*управдому*» препятствий в выполнении его обязанностей.

Со временем отношение к власти любопытным образом трансформировалось и отношение к смерти. Как и власть, она была неизбежна. И также требовала

партнерского участия и уважительного отношения. С ней тоже не стоило конфликтовать. Ее тоже не нужно было бояться и препятствовать ей в выполнении ее основных обязанностей.

ЭСТЕТИКА СМЕРТИ

Помимо выше представленных типов отношений с загробным миром, тема смерти у австрийцев всегда была неразрывно связана с **красотой**. Для местных жителей большее значение имеет не стоимость квадратного метра могилы, не крепость могильного постаменты и даже не престиж фирмы-перевозчика, а эстетическая сторона перехода в другой мир. Кладбищенский вид (из окна могилы), красота надгробного камня, лэйаут эпитафии, яркость поминальной процессии, искрометность некролога. Не последнюю роль играет и выбор музыкального сопровождения для проводов в последний путь. По принципу: если будет играть оркестр, значит жизнь прожита не зря. Неслучайно похоронные оркестры до сих пор пользуются не меньшей популярностью, чем национальные симфонические, а погребальные конторы, устраивающие пышные похороны, запросто могут располагаться в милом соседстве с самыми фешенебельными и дорогими бутиками на центральных коммерческих улицах австрийских городов. (Интересно, как бы это воспринималось у нас? К примеру, если бы в Москве, в Столешниковом переулке, рядом с магазином CHRISTIAN DIOR, располагалось похоронное бюро какого-нибудь Безенчука под названием «Милости просим?»)

Таким эстетическим подходом к теме смерти австрийцы во многом обязаны своему прошлому: пышным похоронам аристократов и императоров, где элементы катафалка соединялись с элементами карнавала и торжественного костюмированного шествия. Зрелищная сторона погребения, то, что венцы называют *A SCHÖNE LEICH* (*красивым трупом*), всегда играла важную роль в их культуре. Вот почему австрийцы убеждены в том, что смерть – это продолжение жизни, а не ее конец. «*Тому, кто хотел бы понять, как живет венец, – писал австрийский классик Герман Бар, – следует знать, как его хоронят, ибо бытие его тесно связано с небытием, о котором он поет в сладостно-горьких песнях*»¹¹.

Концепт смерти занимает огромное место в жизни австрийцев и свидетельствует о наличии феноменальной национальной философии. Смерть не выглядит ужасно. Наоборот. Она близорука (вспомните историю с Августином). Она странновата¹². Она весела. Она с улыбкой ведет навстречу такому же неизбежному, как и власть, переходу в мир иной¹³.

В подобном отношении к смерти, как впрочем и в отношении к жизни, особенно в кофейном его проявлении (вспомните историю кофехаузов), эмоциональное состояние жизненного комфорта вплотную соприкасается с другим важнейшим глобальным австрийским концептом (вторым ядром австрийской концептосферы), а именно с концептом «*традиция*».

Продолжение в след. номере.

Вячеслав Нурғалиев, г. Линц

⁸ Небольшой колокольчик, располагавшийся над могилкой, был соединен с конечностью покойного. Таким образом, в случае захоронения живым псевдопокойник всегда мог сообщить о совершенной ошибке.

⁹ Подобный гроб, кстати, до сих пор стоит внушительным экспонатом в венском Музее погребальных принадлежностей.

¹⁰ Ироническое название Австро-Венгерской империи, придуманное классиком австрийской литературы Р. Музилем. Происходит от сокращения «К. и. К.» («кайзеровская и королевская»).

¹¹ Louis James. *The Xenophobe's Guide to the Austrians*. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2005, с. 24.

¹² Ведь только австрийцам могла прийти в голову идея создания Музея погребальных принадлежностей.

¹³ В этом смысле важно упомянуть песню Ганса Мозера Reblaus (филлоксера), которая с детских лет знакома каждому австрийцу и в каждом из них она поддерживает жизнь этого концепта, этого ироничного отношения к смерти.

*I muaß im frühern Lebn eine Reblaus gwesen sein
Ja, sonst wär die Sehnsucht nicht so groß nach einem Wein
Drum tu den Wein ich auch nicht trinken sondern beißen
I hob den Rotm grod so gearn als wie den Weißn
Und schwörn könnt ich, dass ich eine Reblaus gwesen bin
Ich weiß bestimmt, ich hab gehaust in einem Weingarten bei Wien
Drum hab den Gumpoldskirchner ich so vom Herzen gern
Und wonn i stirb, bitteschön, möcht ich a Reblaus wieda werd'n.*